

В. Ю. Кириллова, А. М. Иванова, Г. Н. Семенова

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕДУПЛИКАЦИЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается такое распространенное средство экспрессивного синтаксиса, как редупликация или повтор. Подчеркивается, что повторы как языковые средства необходимы для логического построения высказывания, осуществления внутренней организации текста и его дополнительной актуализации. Редупликация представлена как оригинальная форма выражения различных лексико-грамматических значений. Наиболее очевидным и распространенным средством синтаксической экспрессивности являются также многокомпонентные перечислительные ряды, которые регулярно взаимодействуют с повторами.

Ключевые слова: *лексическая редупликация, семантическая редупликация, синтаксическая редупликация, усилительно-выделительная функция, перечислительные ряды, индивидуально-авторский стиль.*

V. Yu. Kirillova, A. M. Ivanova, G. N. Semenova

FEATURES OF THE CLASSIFICATION AND FUNCTIONING OF REDUPLICATIONS IN DIFFERENT SYSTEM LANGUAGES

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article discusses the common means of expressive syntax which is reduplication or doubling. The authors emphasize that reduplications being language means are necessary for the logical construction of the utterance, for the implementation of the internal organization of the text and the additional actualization of the utterance. Reduplications are presented as the original form of expression of various lexical and grammatical meanings. The most obvious and widespread means of syntactic expressiveness are also multicomponent enumeration series that regularly interact with reduplication.

Keywords: *lexical reduplication, semantic reduplication, syntactic reduplication, emphasizing function, enumeration series, individual author's style.*

Актуальность исследуемой проблемы. В современной лингвистике наблюдается повышенное внимание к изучению текста. В этом аспекте особенно актуальна проблема связности с целью осуществления внутренней организации текста, в частности художественного. Редупликация (повтор, удвоение) как языковой прием для придания экспрессивности, эмоциональности речи, как способ создания новых лексических единиц и словоформ привлекает многих исследователей [5], [9]. Обращение к вопросу повторных образований также представляет живой интерес для ученых иных областей – психолингвистики, журналистики, риторики, когнитивной лингвистики, литературоведения.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили произведения чувашской художественной литературы, устного народного творчества, многоязычные словари и специальные работы, посвященные изучению повторов.

В статье под редупликацией мы понимаем «полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения звукового состава или с частичным измене-

нием его» [8, с. 153–154]. В языкознании этот термин (и «повтор») используется широко. Одни лингвисты пользуются ими без дифференциации значений и функций, другие считают необходимым их отграничить. Нами эти понятия рассматриваются как синонимы.

Условиями, при которых происходит процесс повторения языковых единиц, являются повторные употребления звуков, морфем, лексических единиц, словосочетаний, конкретной языковой единицы в тексте или его фрагменте. Таким образом, особенности редупликации могут быть изучены на уровне и отдельных звуков (как гласных, так и согласных), и морфем (строевых единиц языка, являющихся носителями грамматического или словообразовательного значения), и лексем (разных частей речи), и словосочетаний, и предложений.

Результаты исследований и их обсуждение. Повтор рассматривается учеными не только как способ словообразования [6], [10], но и как экспрессивно-стилистическое средство. Он фиксирует внимание, подчеркивает мысли и упорядоченность построения высказывания, усиливает роль воздействия текста на читателя.

На выделительно-усилительную функцию наслаивается и нередко приобретает первостепенное значение экспрессивно-грамматическая, то есть связующая, функция. На всех перечисленных выше уровнях повтор прежде всего выступает как конструктор, синтаксическое средство связи.

В данной статье нами представлены следующие виды редупликаций: звуковой, лексической, грамматической (морфологической и синтаксической) и семантической.

1. Звуковой повтор – повторение одного и того же звука (его удлинение) в слове делает его важным составным элементом высказывания – информационным ядром, настойчиво привлекая к нему внимание слушателя или читателя. При этом редупликация встречается и в тематической, и в рематической части предложения:

Ху-у-урлăхлăн юрласа ларать, тет, карчăк (фольк.) «Говорят, сидит старушка, печка-а-ально распевая»; *Сиксе тăчĕ те ка-айрĕ вăрманă çĕмĕрттерсе* (фольк.) «Вскочил и побе-е-ежал во весь дух к лесу».

В тюркологии к редупликативным образованиям относят также парные слова, их нередко называют повторами рифмованными (имеет место изменение начальных согласных) и деформированными (с чередованием гласных в корне). Их второй компонент в силу изменения своего фонетического облика является своеобразной рифмой к первому, или «словом-эхом». Приведем примеры из чувашского языка: *парне-сарне* «подарки и тому подобное», *хĕссе-пĕссе* «скупое», *йиши-пăйиши* «жар-пар», *алчă-малчă* «как попало», *тăнкăр-танкăр* «негладкий, бугристый», *хăлтăр-халтăр* «покосившийся, в аварийном состоянии», *кăпăр-капăр* «тут же, в сию минуту». К данной категории редупликативных образований относятся также трансформированные повторы (с изменением и гласных, и согласных): *хăрăк-марăк* «высушенный», *ăпăр-тапăр* «всякий хлам», *кўрше-арши* «соседи», *анкă-минкĕ* «глупый, тупой, бестолковый».

Парно-повторные образования *шухăр-мухăр* «как попало, какая-нибудь ерунда», *тити-мити* «деньжонки» являются заимствованиями из русского языка (ср.: рус. *шухры-мухры/ хухры-мухры* «как попало, кое-как»). В свою очередь единицы *хала-бала*, *киши-миши*, *шурум-бурум* проникли в русский из тюркских языков, многие из них имеют отрицательный оттенок значения.

Крайне интересна этимологическая природа повторов. Например, в чувашском парном слове *тимĕр-тăмăр* «железо и тому прочее» первый компонент со значением «железо» употребляется самостоятельно, а второй, *тăмăр*, носителями этого языка в качестве знаменательного слова не воспринимается, хотя с тем же значением оно бытует в других тюркских и монгольских языках, ср.: уйг. *томур*, монг. *томор*, бурят. *томор*, *тўмур*.

Чувашское парно-повторное образование *асар-нисер* означает «демоническая, нечистая сила», «существо, внушающее страх» и «сильный, ужасный, разрушительный»,

в то же время оба его компонента по отдельности имеют затемненные значения. Между тем слово встречается и в мордовском, и в удмуртском языках: эрз. *азор* «хозяин», *азарсь* «бешеный, сумасшедший»; мокш. *азыр* «властитель, господин»; удм. *узыр* «господин», «бог». В тюркские языки оно, возможно, проникло из персидского, ср. др.-тюрк. *асура* «демон»; кирг. *азар-безер* «обеспокоенный»; азерб. *азар-безар* «всякие недуги»; туркм., кирг., к.-калп. *азар* «мучение, страдание, обида, притеснение»; туркм. *азар* «болезнь»; тур., узб. *азар* «обида, оскорбление, огорчение, упрек, порицание»; азерб. *азар* «болезнь, беспокойство»; тур. *бизар* «чувствующий отвращение, надоевший», перс. *бизар* «питающий отвращение» [3, с. 34].

2. Лексический повтор – повторение слов (отдельных частей речи) с характерной для них грамматической трансформацией. Фактический материал языка показывает, что повторяться могут все знаменательные части речи, но с различной степенью продуктивности. Особенно активны существительные, прилагательные, глаголы и глагольные формы.

Усилительная функция лексического повтора хорошо прослеживается на примерах из художественной литературы: *Сынсем каласма чараннă хушăра хуца часрах шăртланса çитнĕ самантсенче çеç вăл сăмахсене ним пăхмасăр перет, перет* (Х. Уяр) «Он безудержно говорит, говорит лишь в тот момент, когда наступает затишье и хозяин входит в особый раж»; *Вăл каялла çаврăнчĕ те утрĕ, утрĕ хир варрипе* (Х. Уяр) «Он обернулся назад и пошел, пошел серединой поля»; *Каялла-каялла чакса, пушар сарайĕ хыçнелле ыткăнчĕ* (В. Алентей) «Пятясь-пятясь, бросился за пожарный сарай». Важной чертой акцентного выделения является и то, что опорные точки (здесь это слова с повтором) могут располагаться в начале, середине и конце предложения.

Следует отметить те случаи, когда повторяемое слово совпадает графически: *Пĕлсен те калăп, пĕлмесен те калăп* (загадка); *Ёсленĕ чух ку тумтир чух*. В данных примерах представлен синтаксический параллелизм, усиленный омонимичным употреблением.

История развития редупликаций уходит в глубокую древность. Это явление встречается во всех известных науке языках мира. Оно было присуще даже тем, которые ныне считаются «мертвыми». В частности, исследователь К. Б. Кепинг отмечает, что в тангутском языке (Тангутское государство существовало с X по XIII вв. на территории современных китайских провинций) новые слова образуются путем сложения знаменательных морфем (полный повтор), иногда словообразование происходит с помощью частичной редупликации [7, с. 31].

3. Грамматический повтор – в данном случае повторяется значение, которое реализуется в тождественном построении словосочетания и предложения. Исследуя повторные образования в рамках словосочетания, М. З. Закиев рассматривает татарские *вагон-вагон кеше* «целые вагоны людей», *чилек-чилек килек* «ягоды ведрами», *кипчык-кипчык корт* «мешками топлёный творог» и делает вывод, что «если в таких сочетаниях не повторялось бы подчиненное слово, то не было бы и связи между словами и не образовалось бы словосочетание» [4, с. 94]. Аналогичные примеры удвоенных образований в чувашском языке исследованы профессором И. А. Андреевым. Обращаясь к *йăранĕ-йăранĕ купăста* «грядками-грядками капуста», *тёрки-тёрки сар пурçан* «рулонами-рулонами золотистый шелк», он подчеркивает, что «действительно, и в речи, и на письме недопустимы образования типа „йăранĕ купăста“, „тёрки сар пурçан“». Они предполагают обязательное удвоенное употребление, поскольку здесь имена, не имеющие никакого смыслового отношения между собой, также подчиняются друг другу при помощи того, что зависимое имя удваивается, повторяется. Поэтому повторение, как и сочетание имени с другим словом, может считаться в некоторой степени средством связи» [2, с. 182].

Посредством редупликации происходит усиление экспрессивно-эмоциональной информации, повышение компонентного веса передаваемой мысли. В татарском языке примеры *пурăнан пурăнаç* «досл. жизнь, которой живут», *тĕлленĕ тĕлĕк* «досл. сон, ко-

торый снился», *ёмётленнэ ёмёт* «досл. мечта, о которой мечтали» и т. д. называются «синтаксическими моделями, которые строятся с сознательной установкой на усиленность» [1]. Широко употребляются они и в русском языке: *волна волной, доска доской, сливки сливок, вопрос вопросов, пугало пугалом, святая святых, тайная тайных, разные разности*.

Сказанное выше распространяется и на чувашские глагольные сочетания: *чаряна-чаряна вулать* «читает с перерывами, досл. останавливаясь-останавливаясь читает», *ёсёкле-ёсёкле йёрет* «плачет со всхлипываниями, досл. всхлипывая-всхлипывая плачет», *такяна-такяна чупать* «досл. падая-падая бежит». Удвоенное употребление деепричастных форм в приведенных примерах становится единственной формой существования данных словосочетаний, поскольку невозможны *чаряна вулать, ёсёкле йёрет, такяна чупать*.

Обстоятельно изучены и систематизированы в чувашском языке такие средства связи частей сложного предложения, как аффиксы, послелогии, союзы, союзные слова; порядок слов. Части сложноподчиненного предложения могут соединяться посредством удвоения сказуемого придаточного предложения, форма сказуемого в данном случае представляет собой причастие прошедшего времени, выступающее одновременно и в положительной, и в отрицательной формах. Здесь налицо временное значение – быстрая смена одного действия другим: *Тул сүтэйлнэ-сүтэйлман кил умне палламан тйрантас ситсе чарянчэ* (С. Хумма) «Как только рассвело, к дому подъехал незнакомый тарантас»; *Ёнтё пёр килнэ-килнэ – сүмласа та хаварас* (М. Илпек) «Раз уж пришел, так и быть, выполняю»; *Килнэ-килнэ – ларам-ха пёреххут* (разг.) «Раз уж пришел, так и быть: посижу» (ср.: рус. «Искал-искал – не нашел»; «Как ни искал, все равно не нашел»). Таким образом, в этих примерах контактный лексический повтор служит средством связи предикативных частей в главном предложении.

Повтор может быть и дистантным: *Ййшащэ сав карчаксем. Ййшащэ* (Х. Агивер) «Да, слабеют наши старушки, слабеют»; *Пулнэ-ске эсир ман турнэсра, пулнэ!* (Х. Агивер) «Жили вы во мне когда-то, жили!»; *Сав вайхатрах ун чёрине хёрхену туйамё те – кирлэ мар туйам, аша хай тёллэн кёрсе ларнэ туйам – чёрмелерё* (А. Талвир) «В то же время ему не давало покоя чувство жалости, совсем ненужное чувство, неподвластное ему».

Части предложения, в которых появляется дистантный повтор, оказываются связанными между собой. Исследователь Г. Я. Солганик называет связь такого рода «цепной связью посредством лексического повтора». Она достигается контактным расположением предложений, в которых рема предыдущего предложения часто становится темой для последующего. Ученый иллюстрирует это следующим примером из русского языка: *Оратор говорит долго, утомительно. Монотонное говорение усыпляет слушателя* [11]. Тема в противоположность реме несет наименьшую информативную нагрузку, именно этот элемент выполняет функцию связи с предшествующим отрывком и является важным композиционным средством оформления текста. Этот тип связи широко распространен во всех стилях речи: беллетристике, публицистике, языке науки и техники, официальных документах. Он находит применение везде, где развитие мысли носит последовательный, «цепной» характер. Проиллюстрируем это на примерах из художественной литературы: *...хёслэ сын еннелле хара-хара пыхащэ, пыхса илсенех сурт хыщнелле пытанащэ, унтан ыттисем пыха-пыха илещэ* (М. Илпек) «...бросают боязливые взгляды в сторону человека с саблей, взглянув, тут же прячутся за дом, и другие опасно озираются»; *Апат хатёрлемелли пүлёмре таватэ хёр юрласа ёслещэ: пёри машинэпа сёрулми суса тасатать, тепри сёрулмине машинэпа сёрса нимёрлет, ыттисем сав нимёре тёрлэ апатпа пйтратса хутайштарасэ* (А. Артемьев) «Кто-то на машине картошку обмывает, другой на машине картошку разминает, остальные размятый картофель обрабатывают, смешивая его с разного рода концентратами».

4. Семантический повтор – повторение лексического значения слова (или словосочетания) или одного и того же семантического компонента. Обратимся к примерам из романа известного чувашского писателя Х. Уяра «Близ Акрамова» («Шурча таврашёнче»): *Хёрё ку, Савтепи, ситменнине, хитре сес те мар, ытарма сук чипер, селём, канёр, ёлккен, пёрре чёр! пәкса илнине такам кәмәлне те хускатмалла* «Девушка эта, Савтепи, не только красивая, а необыкновенно красивая, роскошная, нарядная, обаятельная, один только ее взгляд чего стоит!»; *Пулаççё те иккен сүт тёнчере тёлёнмелле куçсем, сехре хәпартмайш куçсем, вутайш куçёсем!* «Бывают же на самом деле на свете удивительные глаза, обвораживающие глаза, обжигающие глаза!». В приведенных предложениях мы имеем дело с семантическим повтором: в первом красота девушки по имени Савтепи передается при помощи отдельных слов со значением «очень красивая»; во втором необыкновенная красота ее глаз передана также при помощи семантических повторов, а троекратное повторение лексемы *куçсем* «глаза» усиливает экспрессию.

В последние годы все больший круг языковедов исследует более сложное, чем одно предложение, построение. Возникла новая область лингвистических исследований – лингвистика текста. В ряде работ делается попытка описать способы соединения предложений в сложные синтаксические единства, из которых состоит текст. Встречаются примеры, когда однотипные лексико-грамматические единицы выстраиваются в нем в многокомпонентные перечислительные ряды. Это синтаксико-семантический прием, при помощи которого письменное высказывание приобретает экспрессивную окраску: эмоциональность, образность, динамизм, напряжение. Использование этого языкового приема в сочетании с другими (например, с повтором или инверсией) усиливает эффект восприятия текста.

Обратимся к яркому примеру с глагольными и именными перечислительными рядами из произведения Х. Уяра: *Пасар хулан анат урамёнче, лавкасемпе сьрма хушинчи анлә лаптәкра, йәшәлтатать-сәрәлать, кәшкәрать, юрлать, кёсенет, макәрать, ёнерлет, вәрсать, чёнет, хәвалать, кулать, кәтиклет, какалать... Тусанё кунта, шәрши-марши, шәна-пәванё; алә сүпса хаклашни-килешинисем; тёрлө чёлхепе каласни; вырәсла ятласни; чәпта куписем, хәмла, сәпата, савәт-сапа, апат-симёс, ёс хатёрёсем; бурлакё, грузчикё, манахё, пупё, чиновникё; хёрё-арәмё, ачи-пәчи, вельәхё-чёрлөхё, сүтаканёпе илекенё, кәтартаканёпе кураканё...* «Базар, расположившийся в просторной низине между магазинами и оврагами, копошится-роется, горланит, поет, ржет, плачет, мурлычет, ругается, зовет, подстегивает, смеется, кудахчет, гогочет... И пыли здесь полно, разные запахи, разная мошкара; продавцы и покупатели; многоголосье на разных языках; русская брань; горы рогожи, хмеля, лаптей, посуды, продуктов, орудий труда; бурлаки, грузчики, монахи, попы, чиновники; женщины и мужчины, стар и млад, живность, продающие и покупающие, показывающие и зрители...».

В приведенном тексте нарисована живая картина базара в час пик и выражены чувства автора-писателя, вызванные созерцанием многоликости всего происходящего. Стилистическую фигуру перечисления составляют четыре группы: однородные глагольные сказуемые настоящего времени единственного числа третьего лица (их более десятка), имена существительные единственного числа в притяжательной форме с аффиксами *-ё, -и* (в их составе имеются парные слова), в единственном и множественном числе, в притяжательной и причастной формах (их более десяти). С увеличением количества однородных членов растет и степень экспрессивности такой конструкции. Нанизывание однотипных синтаксических единиц создает градацию, то есть каждое последующее слово или словосочетание усиливает значение предыдущего. Таким образом формируется экспрессивно-личностное поле художественного текста.

Резюме. Редупликация не только является способом словообразования или средством связи частей в словосочетаниях или сложных предложениях, но и служит для выражения авторской экспрессии. Повтор лингвистических единиц разного уровня усиливает

ет эффект восприятия текста, фиксирует внимание читателя и слушателя. Более того, он является одним из факторов гармонического построения художественного текста.

Повторение фонетических, лексических и синтаксических единиц позволяет выделить те или иные фрагменты текста, семантически и грамматически согласовать их между собой и организовать единую смысловую структуру высказывания. Включение особых синтаксических конструкций, так называемых перечислительных рядов, помогающих автору произведения воздействовать на восприятие читательской аудитории, отражает особенности современного синтаксиса. Каждый писатель имеет свой индивидуальный, неповторимый стиль, который реализуется в его творчестве через манеру языкового выражения и организации мыслей, передающих его мироощущение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агишев Х. Г. Русча-татарча сүзтезмәләр сүзлеге: ике томда. – Казань : Лиана, 1996. – 512 с.
2. Андреев И. А. Хальхи чăваш чĕлхи. Синтаксис. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. – 334 с.
3. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
4. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 464 с.
5. Иванова А. М. Агномимичные парные слова в чувашском языке // Ашмаринские чтения : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2014. – С. 67–74.
6. Иванова А. М., Семенова Г. Н. Словообразование в чувашском языке – I // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 237–242.
7. Кепинг К. Б. Тангутский язык. Морфология. – М. : Наука, 1985. – 367 с.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
9. Семенова Г. Н. К вопросу об идентификации сложного слова в чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 3(87). – С. 65–71.
10. Семенова Г. Н., Иванова А. М. Словообразование в чувашском языке – II // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 1. – С. 167–170.
11. Солганик Г. Я. Синтаксическая семантика (сложное синтаксическое целое). – М. : Высшая школа, 2003. – 214 с.

Статья поступила в редакцию 15.06.2019

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

азерб. – азербайджанский, бурят. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, к.-калп. – каракалпакский, кирг. – киргизский, мош. – мошанский, монг. – монгольский, перс. – персидский, рус. – русский, тат. – татарский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, узб. – узбекский, уйг. – уйгурский, чув. – чувашский, эрз. – эрзянский.

REFERENCES

1. Agishev H. G. Ruscha-tatarcha syztezmlär syzlege: ike tomda. – Kazan' : Liana, 1996. – 512 s.
2. Andreev I. A. Hal'hi chävash chĕlhi. Sintaksis. – Shupashkar : Chävash kĕn. izd-vi, 2005. – 334 s.
3. Egorov V. G. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1964. – 355 s.
4. Zakiev M. Z. Sintaksicheskij stroj tatarskogo yazyka. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1965. – 464 s.
5. Ivanova A. M. Agnomimichnye parnye slova v chuvashskom yazyke // Ashmarinskie chteniya : sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Cheboksary, 2014. – S. 67–74.
6. Ivanova A. M., Semenova G. N. Slovoobrazovanie v chuvashskom yazyke – I // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2012. – № 4. – S. 237–242.
7. Keping K. B. Tangutskij yazyk. Morfologiya. – M. : Nauka, 1985. – 367 s.
8. Reformatskij A. A. Vvedenie v yazykovedenie / pod red. V. A. Vinogradova. – M. : Aspekt Press, 1996. – 536 s.
9. Semenova G. N. K voprosu ob identifikacii slozhnogo slova v chuvashskom yazyke // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2015. – № 3(87). – S. 65–71.

10. *Semenova G. N., Ivanova A. M.* Slovoobrazovanie v chuvashskom yazyke – II // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2013. – № 1. – S. 167–170.

11. *Solganik G. Ya.* Sintaksicheskaya semantika (slozhnoe sintaksicheskoe celoe). – M. : Vysshaya shkola, 2003. – 214 s.

The article was contributed on June 15, 2019

Сведения об авторах

Кириллова Валентина Юрьевна – аспирант кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: walentina_83@mail.ru

Иванова Алена Михайловна – доктор филологических наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: amivano@rambler.ru

Семенова Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: gncemenova@yandex.ru

Author information

Kirillova, Valentina Yuryevna – Post-graduate Student, Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: walentina_83@mail.ru

Ivanova, Alena Mikhaylovna – Doctor of Philology, Dean of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: amivano@rambler.ru

Semenova, Galina Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: gncemenova@yandex.ru